

Дмитрий Николаевич Замятин –

доктор культурологии, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева

Геокультурное пространство России:

ключевые положения, интерпретации
и перспективное геокультурное проектирование

Определения

Геокультура – настолько мощное и ёмкое понятие, что даже его предварительный анализ требует введения нескольких понятий и их достаточно четких определений. В современных социальных науках оно впервые стало активно использоваться Иммануилом Валлерстайном. У Валлерстайна понятие геокультуры тесно связано с его концепцией

мир-системного анализа и рассматривается прежде всего в контексте глобальных геополитических и геоэкономических проблем. Здесь же я рассматриваю геокультуру и геокультурные пространства как достаточно автономные понятия. При этом в первом приближении удобнее говорить именно об образе геокультуры. Приведу определения основных понятий, необходимые для дальнейшего анализа.

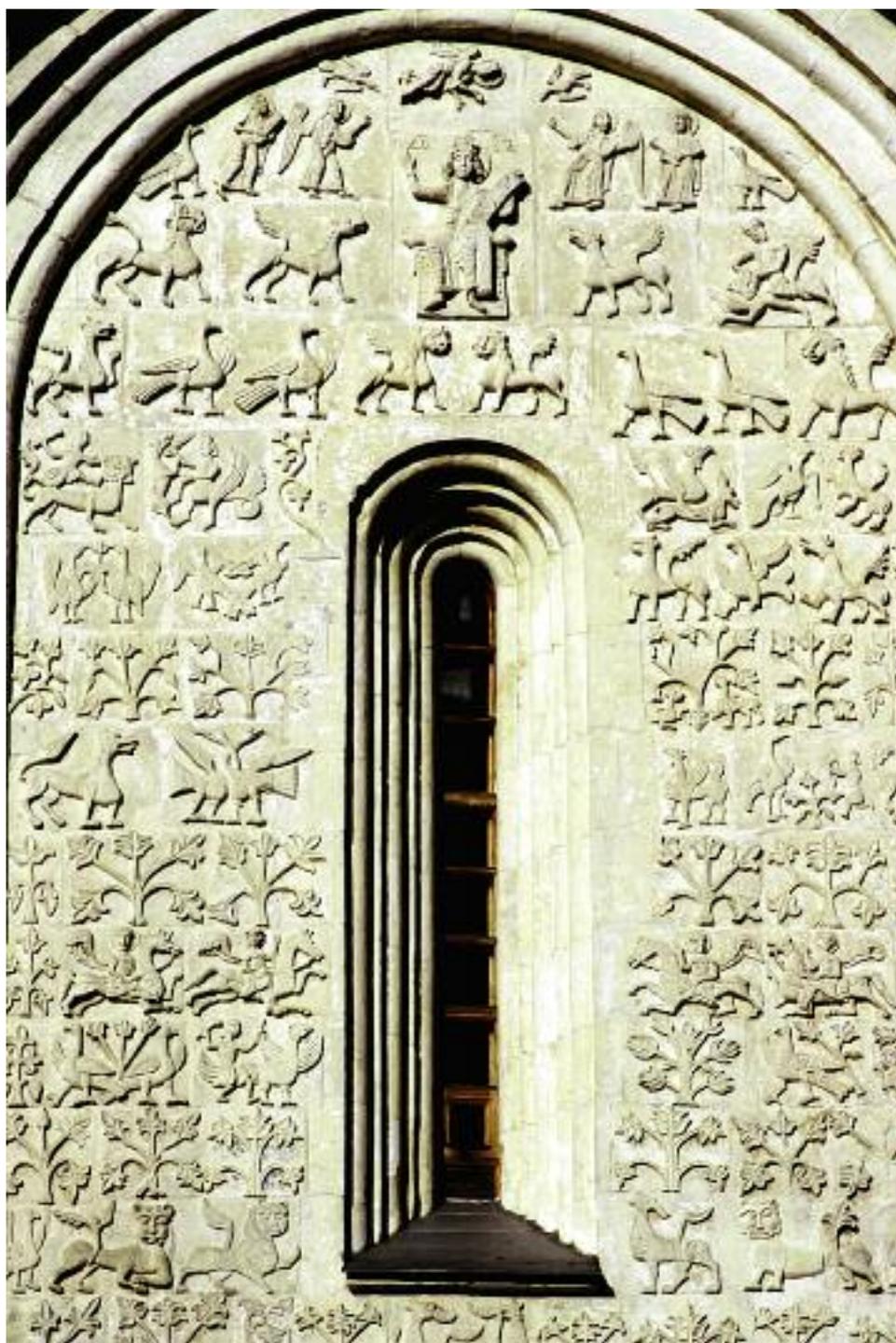
Образ — это максимально дистанцированное и опосредованное представление реальности. Образ в широком смысле выявляет рельеф культуры, являясь одновременно культурой в ее высших проявлениях. Образ — часть реальности, он может меняться вместе с ней. В то же время образ — фактор изменения, динамики реальности.

Геокультура — процесс и результаты развития географических образов в конкретной культуре, а также накопление, формирование традиции культуры осмысления этих образов. Определенная культура коллекционирует определенные географические образы, приобретая при этом те или иные образно-географические конфигурации. Современная геокультура представляет собой серии геокультурных (культурно-географических) образов, интерпретирующих локальные геокультурные пространства.

Геокультурное пространство — система устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира.

Геокультурные образы

Как представить образ геокультуры и что понимается под ним? Этот образ рассматривается в первую очередь в контексте процессов глобализации и регионализации. При анализе геокультуры особое внимание уделяется процессам межкультурной и межкультурной адаптации. Образ геокультуры складывается в максимально широ-

Орнаменты собора святого Димитрия Солунского во Владимире. Конец XII века

Геокультурное пространство — система устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира.

ком контексте, что означает максимально широкий концептуальный охват современных проблем мирового развития. Здесь захватываются геополитические, геоэкономические и геосоциальные про-

блемы, без изучения которых глубокий анализ геокультуры и геокультурных проблем невозможен. Затрагиваются также многие аспекты развития мировых и локальных цивилизаций, значительная

часть этих цивилизаций является тем или иным инвариантом геокультуры (геокультура). Исследование геокультуры означает изучение наиболее мощных и структурированных географических образов. Как правило, это наиболее масштабные, наиболее фундаментальные и самые долговременные географические образы.

Основной вопрос интерпретации образа геокультуры состоит в следующем: складывается ли единая геокультура — или геокультур много? По-видимому, следует говорить о многих геокультурах, или о множестве геокультур. Определенные место, регион, страна имеют свой геокультурный и одновременно образно-географический потенциал. Геокультурный потенциал измеряется мощностью, силой проецируемых вовне специализированных географических образов, или геокультурных образов. Эти образы сосуществуют, переплетаются, взаимодействуют в различных геокультурных пространствах.

Геокультурный образ — это система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте. Геокультурные образы относятся по преимуществу к экзогенным географическим образам, то есть к таким, в формировании которых большую роль играют смежные (соседние) образы. Например, в формировании геокультурного образа России принимают участие географические образы Евразии, Восточной Европы, балтийского и черноморского регионов, Кавказа. Геокультурные образы можно назвать ядерными по своей мощи: это своего рода образные атомные

или водородные бомбы, определяющие глобальные стратегии поведения наиболее крупных политических, экономических и культурных акторов. Приведем пример. Политическое доминирование Китая в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии в эпохи совершенно различных империй и династий на протяжении длительного исторического времени было основано на мощных геокультурных стратегиях в этих регионах. Данные стратегии были основаны на трансляции и оседании (седиментации) китайских культурных ценностей и образов на новых территориях и зачастую на достижениях этими ценностями и образами господствующего положения.

Иногда роль геокультуры, излучающей и распространяющей свои образы, берут на себя крупные и/или мировые религии. Несомненными геокультурами являются ислам, буддизм, католичество, протестантизм. К геокультурам относится и большинство империй, формирующих свои культурные круги — геокультурные периферии. Например, в Средние века очень отчетливые геокультурные периферии были созданы Византийской империей (север Балканского полуострова, часть Италии, Русь, часть Восточной и Центральной Европы) и Арабским халифатом (Кавказ, Центральная Азия). Конечно, за спиной подобных империй стоит, как правило, крупная цивилизация, которая порождает одну или несколько геокультур.

Цивилизационная идентичность и метагеография

Географические образы и цивилизационная идентичность — взаимосвязанные явления. Феномен формирования и развития географических об-

разов так или иначе связан с цивилизацией и культурой, в рамках которых он может быть обнаружен и осмыслен. В то же время определенные цивилизации и культуры как бы создают «заказ» на конкретные географические образы, отображающие и также выражающие цивилизационную и культурную идентичности. Я полагаю, что любая цивилизационная идентичность содержит в себе в той или иной мере, в открытых или скрытых формах географические образы. Такие образы — неотъемлемая и естественная часть цивилизационной идентичности. Другое дело, что сам носитель цивилизационной идентичности может не замечать этого. Исследователь, заинтересованный в комплексном изучении цивилизационной идентичности, должен, на мой взгляд, рассматривать и соответствующие географические образы, обнаруживаемые прежде всего в различного рода репрезентативных текстах, характеризующих конкретные цивилизации и цивилизационную идентичность.

Следует учесть, что географические образы представляют собой, как правило, автономное целое, систему, которую можно исследовать, временно дистанцируясь от остальных частей и элементов цивилизационной идентичности. В то же время некоторые географические образы могут достаточно полно, наиболее развернуто характеризовать цивилизационную идентичность в ее основных проявлениях, быть по сути ее ментальным ядром. Это относится чаще всего к молодым цивилизациям в периоды их активного становления, причем важно отметить, что такие периоды могут совпадать с быстрым культурным и экономическим освоением обширных пространств, попа-

Новгородская берестяная грамота Онфима. XIII век

дающих в зону влияния растущих цивилизаций. Наиболее яркие примеры здесь – североамериканская, латиноамериканская и российская цивилизации.

Российская цивилизация, несмотря на ряд очевидных типологических сходств с североамериканской и латиноамериканской цивилизациями в становлении цивилизационной идентичности и роли в ней географических образов, имеет тем не менее свои особенности в рамках заявленной темы. При многочисленных культурных заимствованиях у Византии и Западной Европы российская цивилизация всё же является автохтонной. Кроме того, историческое время ее самостоятельного существования и развития намного превосходит соответствующие показатели североамериканской и латиноамериканской цивилизаций. Наконец, что наиболее важно, пространства, оказавшиеся в зоне влияния российской цивилизации, входили б́ль-

Геокультурный образ – это система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте.

шую часть рассматриваемого исторического времени в состав российского государства, будь то Московское царство, Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Территории, не входящие в настоящее время в состав Российской Федерации, но входившие ранее в состав российских государственных образований, в значительной мере осмыслены и культурно освоены именно российской цивилизацией. Такая подавляющая моногосударственность в рамках одной цивилизации – причем государственность, распространившаяся на величайший в мире массив континентальной суши, – безусловно, уникальна.

В отличие от китайской цивилизации, также являющейся фактически моногосударст-

венной, российская цивилизация сравнительно поздно стала обретать маркеры и символы собственной идентичности. Эту ситуацию можно увязывать в феноменологическом плане с длительным экстенсивным периодом территориального расширения российского государства. В ходе такого расширения требовались в основном лишь политические образы и символы, как бы столбившие новые территории. Цивилизационная идентичность населения многих вновь присоединенных или завоеванных территорий долгое время могла оставаться неопределенной, переходной или даже совсем иной, как в случае Прибалтики, Польши, Финляндии, Кавказа и Средней Азии.

Сравнительно поздний поиск Россией своих цивилизацион-

Встреча императора Иоанна Цимисхия с киевским князем Святославом Игоревичем. Миниатюра XII века

К геокультурам относится большинство империй, формирующих свои культурные круги – геокультурные периферии. Например, в Средние века очень отчетливые геокультурные периферии были созданы Византийской империей и Арабским халифатом.

ных маркеров привел к тому, что физико-географические параметры ее государственной территории (почти небывалая в истории величина территории, гигантское климатическое и природное разнообразие) непосредственно, напрямую стали рассматриваться как возможные элементы цивилизационной идентичности. По всей видимости, это была очевидная образная экономия – такой подход не требовал поначалу очень серьезных интеллектуальных и культурных усилий. Кроме того, иностранцы, в основном европейцы, уже успели оценить в своих путевых записках и трудах о России ее беспрецедентные пространственные размеры, заложив тем самым первоначальную культурную традицию феноменологии российских пространств.

Однако использование географических образов огромных, пугающих и бесконечных пространств в качестве одного их главных маркеров цивилизационной идентичности

России породило и ряд проблем – как для исследователей, так и для авторов текстов, представляющих таким способом цивилизационное видение России. Для исследователей подобной проблематики камень преткновения связан с трудностями научного системного анализа географических образов, замещающих и/или выражающих ядро цивилизационной идентичности. Трудности же авторов репрезентативных текстов находятся в области синкретического, нераздельного восприятия и воображения истории и географии цивилизации, в ситуации сжатия их в своего рода ментальный ком, ясно выражающий эмоции автора, но затемняющий часто сами специфические планы выражения.

Вообразить Россию: к онтологии проблемы

География воображения, имагинальная – или образная –

география – ментальное порождение эпохи Модерна в самом широком смысле. Постмодерн лишь по-настоящему осознал эту проблематику – в отличие от предыдущей исторической эпохи – и перевел игру в миттельшпиль, то есть заострил самые важные и существенные вопросы в рамках образно-географического мышления. По сути дела, в контексте процессов глобализации/глокализации/регионализации – как бы к ним ни относиться – страна, регион, территория могут существовать и очень часто фактически уже существуют в разнообразных коммуникативных и коммуникационных полях как мощные или слабые, сложные или простые, широкие или специализированные виртуальные образы. От продвижения, развития, формирования таких образов непосредственно зависят политика, экономика, социальные отношения, культурные репрезентации страны или территории. Мы склонны употреблять здесь понятие географического образа – постольку, поскольку именно конкретное географическое пространство со всеми его социокультурными, художе-

Печать Ивана Грозного

ственными, политико-экономическими коннотациями задает в основном параметры, условия репрезентации и интерпретации практически всех возможных в данном месте и в данное время дискурсов.

Не отвергая, а по сути развивая цивилизационное видение и цивилизационную интерпретацию такой постановки вопроса, сконцентрируем наше внимание на способах дискурсивных построений, обеспечивающих определенное волновое представление образных географий страны — в нашем случае России. Базовые цивилизационные установки в отношении России представляют собой, с нашей точки зрения, концептуальный консенсус, состоящий из трех основных положений:

- ♦ Россия является достаточно автономной цивилизацией;
- ♦ Россию можно рассматривать как цивилизацию-спутник европейской цивилизации, многим обязанную именно европейской цивилизации;
- ♦ Россия вполне вообразима как цивилизация-государство, в рамках которой подавляющее большинство возможных социокультурных и политико-экономических дискурсов осмысливается посредством перевода в доминирующие способы репрезентаций как государственные, государственно-чиновнические или парагосударственные.

Исходя из этого, воображение пространства России и в России связано, безусловно, с проблематикой европейских дискурсов воображения пространства. Власть и образы пространства в России чаще всего объединены достаточно типовыми репрезентациями и дискурсами государственного или парагосударственного характера. Наконец, главный вопрос воображения

базе неких общих представлений об ее географии — физической, экономической, политической, культурной. С нашей точки зрения, вообразить Россию — значит вообразить разбегание, расширение, всевозможные трансформации и взаимодействия тех географических образов, которые создаются, строятся, разрабатываются, творятся как исключения из общих географических предпосылок представления о России. Иными словами чтобы вообразить Россию, нужно упаковать, свернуть, сосредоточить все возможные экзогенные географические представления максимально плотно в знаково-

Пространства, оказавшиеся в зоне влияния российской цивилизации, входили большую часть рассматриваемого исторического времени в состав российского государства, будь то Московское царство, Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Такая подавляющая моногосударственность в рамках одной цивилизации — причем государственность, распространившаяся на величайший в мире массив континентальной суши, — безусловно, уникальна.

пространства России состоит в следующем: как российская цивилизация-государство может обеспечить, создать, поддерживать достаточно автономные образно-географические дискурсы, идентифицирующие ее цивилизационную уникальность, дистанцирующие ее от других цивилизаций и легитимирующие ее как коммуникативную целостность в мировом пространстве цивилизаций?

Что же значит: вообразить Россию? Россия сама по себе не является сколько-нибудь значимым образно-географическим проектом для тех или иных социокультурных сообществ — на ее государственной территории или за ее пределами. В то же время Россия не является масштабной знаково-символической конструкцией, создаваемой на

символическом смысле. И тем самым попытаться породить с помощью образного сжатия и, может быть, образно-географического взрыва новые образно-географические дискурсы, не учитывающие в своем генезисе и развитии существования друг друга: они сосуществуют, они видят друг друга, но лишь в том пространстве, которое они создают своим собственным разбеганием друг от друга, своей собственной — неуничтожимой и неотменяемой — метапространственной трансверсальностью.

Что же является той ментальной меткой, которая поможет нам обнаружить подобное образно-географическое разбегание и, следовательно, так или иначе попробовать вообразить Россию? Мы можем рассчитывать в данном случае

на понятие и образ Северной Евразии. Как понятие Северная Евразия «узаконена» традиционными географическими схемами и картографическими проекциями видения мира. Как образ — географический образ — Северная Евразия до сих пор является полупустым отображением вполне европеизированных и односторонних, однонаправленных знаково-символических конструкций, призванных хоть как-то описать *tabula rasa* малочисленных коренных народов, чьи географические образы практически либо не репрезентируемы, либо не репрезентированы в рамках внешних по отношению к ним коммуникативных дискурсов. Но речь не идет о том, чтобы просто заполнить какой-то пустой образный ящик, ранее плохо использованный и маркирующий условное и безразмерное географическое пространство. Следует говорить о том, что образные географии России — коль скоро они могут быть представимы и могут развиваться как самостоятельные ментальные поля — должны быть «озабочены» Северной Евразией как потенциальным ментальным пространством локальных мифологий и мифологических конструктов синкретического толка и назначения. В то же время Северная Евразия может быть очень органичной, емкой когнитивно-географической оболочкой, когнитивно-географическим контекстом для многих образных российских географий, развивающих свою «северность» и «евразийскость» как некие вполне онтологические характеристики — без особого риска попасть в прокрустово ложе знаменитого образа России-Евразии 1920–1930-х годов. Научно-идеологический, геополитический и культурный проект евразийцев привлек

внимание к той идеологической и образной значимости географического пространства для российской цивилизации, которая до тех пор не выступала в сознании западноцентричных ученых и экспертов как определяющая для ее понимания. Труды Чаадаева, Соловьева, Ключевского, Данилевского, Ламанского, Бердяева были заложены основы и возможности подобного нового понимания, однако до появления работ евразийцев пространство российской цивилизации, историософии и истории рассматривалось все же в тех научных и идеологических дискурсах, в которых собственно «беспространственные» политические и исторические модели и репрезентации безусловно доминировали, а образы пространства выступали, как правило, в качестве дополнительной точки или угла зрения, помогающих лучше понять Россию на фоне западных государств и обществ. Научные и культурологические заслуги евразийцев в сфере пространственного видения российской цивилизации были ограничены их идеологическим дискурсом, бывшим так или иначе в онтологическом плане западноцентричным. Идеологическое и геополитическое понятие Евразии, введенное евразийцами, играло на руку политическому консерватизму, набравшему вес в Европе 1920–1930-х годов (особенно в Германии). Причем вне зависимости от того, хотели ли этого или нет сами евразийцы. Образ Евразии по евразийцам, бывший внешне антиевропейским, антизападным или, по крайней мере, а-западным, на самом деле представлял собой весьма эксцентричный вариант классической европейской геополитики в ее лучших моделях — начиная с Маккинде-

ра и германских геополитических штудий.

Иными словами появление евразийцев вполне можно было предсказать: российская цивилизация пытается проявить свою инаковость, «друговость» с помощью конкретного и мощного научно-идеологического проекта в пору своего политического кризиса, но этот Другой так или иначе остается европейским/западным Другим, а инаковость российской цивилизации может получить подтверждение только в рамках западных способов научной и идеологической верификации. Образ и проект Евразии (русской Евразии), выдвинутые евразийцами, тем не менее заслонили на какое-то — исторически продолжительное — время проблематику собственно идеологического значения пространства российской цивилизации, как бы заместили ее и скрыли от поверхностных исследовательских наскоков. В советскую эпоху изучение евразийства могло быть, несомненно, потенциально эффективной попыткой понять значение пространства в русской истории и политике (это касается, естественно, преимущественно западных исследователей и русских ученых-эмигрантов). Однако постсоветская идеологическая и дискурсивная ситуация обнаружила быструю и явную архаизацию старых западноцентричных попыток понять с помощью анализа евразийских, параевразийских и постевразийских теорий специфику развития российской цивилизации, а вместе с тем и роль пространственных образов в этом развитии.

Цивилизация географических образов

Пытаясь акцентировать внимание на проблематике условной ментальной воли к обра-

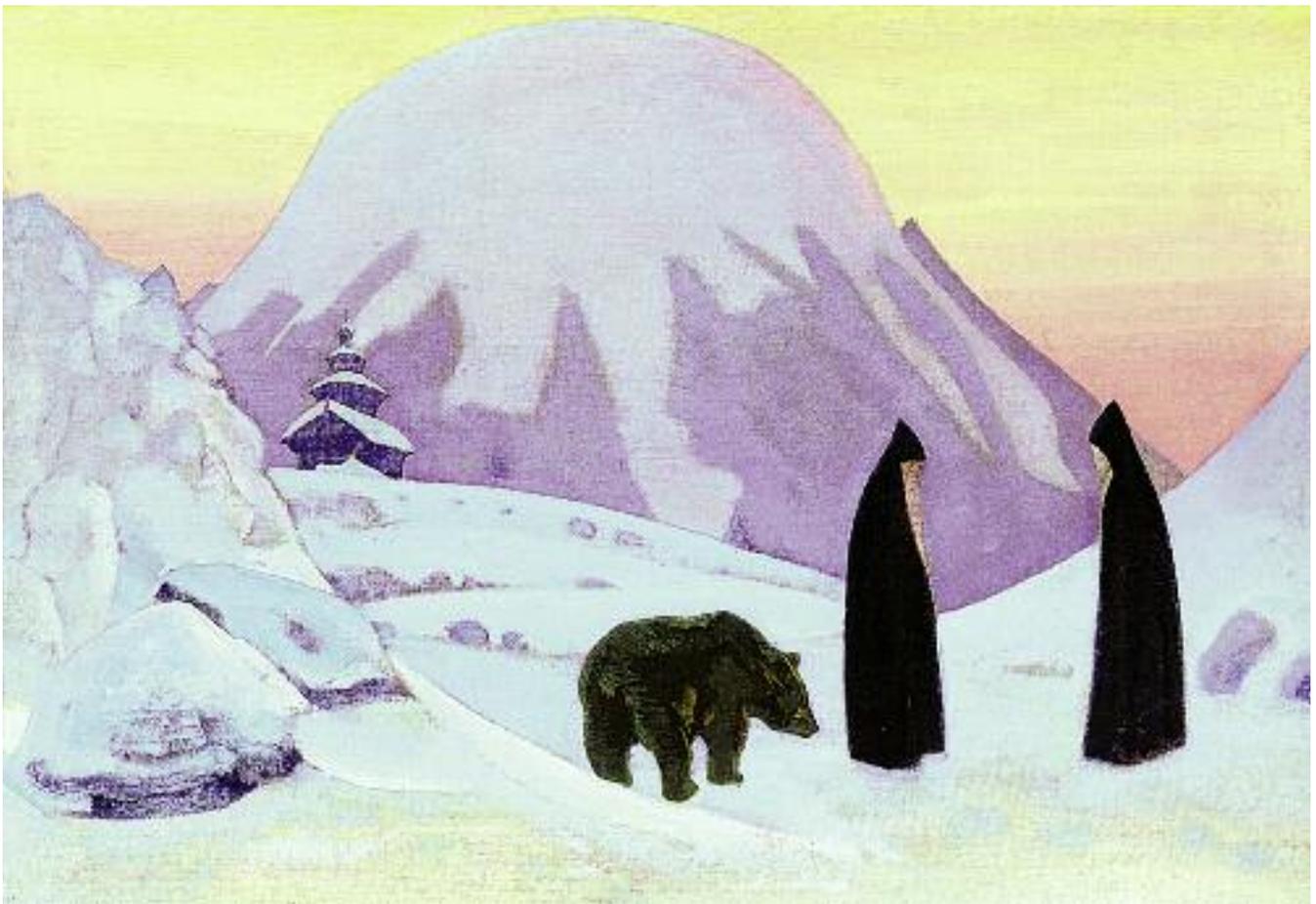
зам/географическим образом, приходится задумываться о той цивилизационной специфике России, которая, возможно, не описывается отмеченными ранее концептами. В сущности, пространство российской цивилизации – в той мере, в какой оно представимо в рамках любой социокультурной манифестации или репрезентации, – обладает онтологической двойственностью. Оно вполне образно и содержательно может быть описано и охарактеризовано внешними наблюдателями из иных, хотя бы и соседних, цивилизаций и культур. И в то же время оно может быть описано изнутри как пространство предстоящее, как бы еще незанятое и пустое – как пространство, постоянно ждущее воли к освоению, и это освоение пространства становится часто некоей постоянной онтологической модальностью. Российское пространство повсеместно находится, пребывает в стадии перманентного освоения, и тем самым оно

Сравнительно поздний поиск Россией своих цивилизационных маркеров привел к тому, что физико-географические параметры ее государственной территории (почти небывалая в истории величина территории, гигантское климатическое и природное разнообразие) непосредственно, напрямую стали рассматриваться как возможные элементы цивилизационной идентичности.

осуществляется в образном плане как пространство перехода и как лиминальное, пограничное, фронтальное пространство. Подобная пространственно-цивилизационная фронтальность может показаться вполне типологическим случаем – в сравнении, скажем, с латиноамериканской цивилизацией. Однако слишком, может быть, затянувшаяся в масштабах европейского цивилизационного времени фронтальная история России (чего, кстати, все же нет в рамках латиноамериканской цивилизации – там фронтальность укладывается во вполне западные по происхождению образы его преодоления и переживания) мо-

жет подсказать нам, что внешняя фронтальность российских пространств – признак, возможно, совершенно иного типа цивилизационного осмысления и воображения собственного пространства. Похоже, что, по крайней мере, со второй половины XIX века (хотя первые социокультурные симптомы могут относиться и к первой половине XIX века) российская цивилизация все же постепенно вырабатывает определенные специфические географические образы. Эти образы, с одной стороны, уже не являются простым продолжением и расширением европейского воображения (коим устойчиво питалась и воспроизводилась

Николай Рерих. И мы не боимся. 1922 год

Как понятие Северная Евразия «узаконена» традиционными географическими схемами и картографическими проекциями видения мира. Как образ – географический образ – Северная Евразия до сих пор является полупустым отображением вполне европеизированных и односторонних, однонаправленных знаково-символических конструкций, призванных хоть как-то описать *tabula rasa* малочисленных коренных народов.

Россия весь XVIII век), а с другой стороны, фиксируют постоянную ситуацию ментального оконтуривания условно пустых пространств, предполагаемых в будущем к освоению. Именно эта ментальная неоконченность, незавершенность географических образов становится, видимо, в течение всего XX века фирменным знаком российских пространств, подтверждая тем самым их несомненную «русскость». Надо ли говорить, что географические образы неосвоенных/слабоосвоенных пространств вполне органично воспроизводились как по

преимуществу образы Сибири и Дальнего Востока (реже – Урала и Русского Севера), что становилось серьезной цивилизационной проблемой России, остававшейся в своем государственническом самосознании много западнее – как бы запаздывавшей в своей геоисториософии.

С большой уверенностью можно было бы говорить о конкретной цивилизационно-образной «шизофрении» России, если бы только по-прежнему доминировали и господствовали социокультурные представления европейского/западного Модерна. Од-

нако когнитивная ситуация Постмодерна оказывается благоприятной для анализа ментально-цивилизационных расщеплений, разделений и сосуществований, ибо само пространство становится предметом многочисленных пространственных спекуляций – в силу чего географические образы могут рассматриваться как несомненные свидетельства цивилизационной идентичности уже сами по себе, вне жесткой зависимости от каких-то других цивилизационных признаков. Между тем традиционные цивилизационные признаки, продолжающие устойчиво воспроизводиться какими-либо локальными сообществами (например, вполне ортодоксальные для России имперскость и православие), существуют в параллельных ментальных мирах, порождая параллельные образно-географические и ментальные карты.

Будущее становится идеей, получающей свои географические образы и представления, — таков один из предварительных выводов Постмодерна. Россия, часто воображавшаяся уже в эпоху Модерна как страна будущего, начиная с Лейбница (причем это был по преимуществу европейский дискурс, с той или иной степенью успешности и оригинальности воспроизводившийся отечественными мыслителями) становится так или иначе цивилизацией географических образов — таких образов, которые призваны как бы вновь и вновь пересоздавать пространства, не поддающиеся строгому и последовательному ментальному картографированию Модерна. Возможно, основная цивилизационная сила и одновременно цивилизационная специфика России заключается в моделировании географических образов, выходящих за пределы традиционного пространственного воображения других цивилизаций. Спусковым крючком выявления подобной цивилизационной спецификации стал Постмодерн.

Что же тогда такое Северная Евразия, как не пучок географических образов, долженствующих представить цивилизационную специфику России в ее максимальной полноте и целостности? Это в любом случае пространство, не мыслимое Европой как самостоятельное и автономное — не в силу какой-то ментальной невозможности помыслить такое пространство, но по причине отсутствия устойчивой ментальной необходимости. Образ Великой Тартарии был минимально необходим европейской цивилизации и в то же время достаточен ей для расширенного воспроизводства собственной идентичности, в рамках которой картезианские образы пространства играли хотя и важную, но не са-

мую главную роль. Ментальный экран китайской цивилизации, оказывающийся мощным противоходом для чисто европейского воображения, позволяет говорить о том пространстве, которое проскакивается и не замечается Европой/Западом. И одновременно довольно безуспешно втягивается в пространства Восточной и Юго-Восточной Азии.

Образно-географическое пространство Северной Евразии, возможно, открывается в рамках Постмодерна как метапространство, предоставляющее принципиально новые способы и дискурсы воображения. Аналогия слишком прозрачна, однако открытие Америки также действительно изменило европейские дискурсы пространственности, обеспечив тем самым саму возможность разворачивания Модерна. Как бы то ни было, даже виртуальное возникновение таких параформальных географических образов, как Северо-Евразийская Республика или же Северо-Евразийская Федерация, может помочь российскому цивилизационному воображению сбросить, переработать образный балласт Модерна, сняв вполне чуждый и запоздавший национализм как когнитивное излишество распадающегося Модерна. Пучок географических образов Северной Евразии вполне может мыслиться как метапространство без строго национальных/националистических маркеров, как метапространство, собирающее признаки, символы, знаки «трудных пространств» (термин Вадима Цымбурского) и тем самым как бы предлагающее идентифицировать себя с определенной цивилизацией — здесь-и-сейчас. Иначе говоря, собственно конкретный пространственный опыт в его образно-географических результатах, версиях,

манифестациях и может предстать в условиях Посмодерна как потенциал вновь развертывающейся цивилизации.

По сути дела, даже образ самой российской цивилизации может быть, в конце концов, представлен как необходимая пространственная трансакция, посредством которой обретается, производится в ментальном плане метапространство Северной Евразии, чей дискурс в постмодернистском ключе может оказаться вне каких-либо цивилизационных рамок или натяжек, свойственных эпохе Модерна. Россия как образ цивилизационного перехода (фронтира) порождает необходимое количество и качество оригинальных географических образов. Эти географические образы оказываются ментальной трансакцией, как бы снимающей сам цивилизационный фронт. Благодаря подобной геонимической операции появляется метапространство, дифференциация которого может быть обусловлена сериями последовательных географических образов, определяющих событийность всех вновь возникающих ландшафтов и региональных идентичностей. Онтология цивилизаций вообще может оказаться в таком случае частной, локальной возможностью когнитивного моделирования ретроспективных географических образов, мыслимых как условно замкнутые ментальные миры.

«Пустое тело» России: социобиологическая эволюция и пространственные идентичности

Если попытаться осуществить «сдвиг на биологический уровень» (концепт Сергея Эйзенштейна), то воображение страны/пространства предстает задачей не столько цивилизационного или культур-

Клавдий Лебедев. Освоение русскими новых земель. 1904 год

Российское пространство повсеместно находится, пребывает в стадии перманентного освоения, и тем самым оно осуществляется в образном плане как пространство перехода и как лиминальное, пограничное, фронтирное пространство.

ного плана, сколько по-настоящему биологической вехой. За пределами этой вехи жизнедеятельность и жизнеустройство конкретных человеческих сообществ становятся эволюцией с заранее наведенными параметрами, имеющими в качестве и онтологического, и феноменологического оснований самоорганизующиеся географические образы. Пространственные идентичности в таком случае могут рассматриваться как продукты целенаправленных биологических эволюций, порождающих не только опреде-

ленные биологические виды и их среды, но и их специфические пространственные реальности — как частные модификации и конфигурации более общих типологически географических образов. Локальные сообщества разрабатывают собственные пространственные идентичности как события и одновременно как органические части своей жизни. Образно-географические параметры этой жизни являются по сути чистой биологией земного пространства в его топографической феноменологии.

Всякие вновь возникающие отдельные национальные и региональные истории, предполагающие столь же отдельные и своеобразные географии, заключают в себе когнитивные ядра биологических приспособлений, адаптаций. Эти ядра постоянно трансформируются, позволяя локальным воображениям выбирать те когнитивные траектории, которые обеспечивают на данный момент или в данную эпоху оптимальные биологические стратегии выживания, развития, расширения, экспансии. Если же попытаться в первом приближении осмыслить те вариации развития человеческих сообществ, которые описаны и исследованы в рамках культуры Модерна (по крайней мере, на протяжении XVIII—XX веков), то пространственные идентичности, вполне возможно, оказываются неким образным компромиссом. Это компромисс между очевидным стремлением сообществ и отдельных личностей биологизировать пространственные среды, становящиеся конкретными социальными проектами, и наличием устойчивого, по всей видимости, глубинно-психологического фундамента, явившегося, возможно, предметом доисторического/догеографического консенсуса в рамках человеческих сообществ. Такой фундамент обуславливает, что телесные характеристики земного пространства воспринимаются как исключительно внутреннее, интровертивные по отношению к любой могущей последовать когнитивной интерпретации. Иначе говоря, пространственные идентичности могут как бы накапливаться, нагнетаться соответствующими сериями художественных, научных, интеллектуальных осмыслений, социокультурных и социопо-

литических проектов и манифестаций, оставаясь при этом всякий раз предметом индивидуального биологического выбора/решения.

Что же может значить подобный «сдвиг на биологический уровень» в контексте постоянно формулируемой и переформулируемой проблемы «вообразить Россию»? Как бы то ни было, серии последовательных историй и географий России на протяжении XIX – начала XXI века представляли страну как строго очерченное ментальное тело. «Биология» российских пространств завязана в промежуточном итоге на пространственные идентичности, расположенные как бы вовне самих российских пространств. Ментальное перемещение, продвижение пространственных идентичностей вовнутрь как бы пустого или полупустого тела России может быть связано как раз с его интенсивной биологизацией. В результате подобной биологизации это тело начинает видеться как место разного рода социокультурных проектов локальных сообществ и личностей. Образно-географическое картографирование в процессе обозначенной биологизации России будет означать формирование новых трансформированных пространственных идентичностей, заряженных на экстравертивные, открытые вовне социальные практики, являющиеся по сути этапом локальной биологической эволюции.

Нужно ли думать, что проблема «вообразить Россию» является по преимуществу феноменологической – даже если осмыслять ее в рамках биологической эволюции? Точно так же, как постоянно могут формулироваться проблемы «вообразить Германию», «вообразить Францию», «вообразить Бразилию» и т.д.,

вполне допустимо построение постоянно меняющихся доменов воображения, ориентированных на практически любые социокультурные проблемы как проблемы пространственных идентичностей. Однако серии пространственных феноменологических опытов, проектов так или иначе всякий раз будут стремиться за пределы феноменологии, ускользая в сторону онтологий неразличимых телесных практик, которыми пространство разлагает свои собственные образы.

В сущности именно телесные практики, выходящие за собственные пределы в качестве социальных репрезентаций, и обеспечивают минимально возможные локальные образы, становящиеся в дальнейшем, в ходе широких социально-проектных мультиплицированных, географическими образами стран. Подобные мультиплицирования становятся возможными благодаря мощным технологиям закрепления и преобразования памяти/памятей. Эти технологии являются изначально пространственными. Кино, видео, фотография, Интернет, визуальные искусства стали в эпоху Постмодерна тотальными пространственными реальностями. Они заменяют и закрывают неэффективные способы опространствления памяти. Любая страна становится в таком случае своей собственной памятью о наиболее массовых пространственных реальностях, фиксируемых ее географическими образами.

Итак, «вообразить Россию» приходится как пространство-тело социальных практик, репрезентируемых своей собственной биологической эволюцией в рамках генерализированного пучка географических образов Северной Евразии. Пространственные идентичности, формируемые по-

добным образно-географическим пучком, будут скорее всего постоянно дифференцироваться как в сторону несомненного упрощения («гладкие поверхности» массовых идентичностей типовых локальных сообществ), так и в сторону неожиданных локальных «взрывов» («сложные поверхности» анклавных сообществ, мыслящих свое «технэ» как оригинальный и неповторимый топографический опыт). Такие дифференциации опять-таки могут быть представлены или воображены как расходящиеся, раздвигающиеся пространственные поля, остающиеся тем не менее в процессе своего расширения все-таки связными и коммуникативными.

Геокультура: сжатый образ

Анализ понятия геокультуры в связи с процессами межцивилизационной и межкультурной адаптации показывает следующее:

- ♦ изучение процессов межцивилизационной и межкультурной адаптации не представимо без глубокого исследования сущности понятия геокультуры и закономерностей развития геокультурных пространств;
- ♦ гармоничная межцивилизационная адаптация связана с формированием и функционированием соответствующих геокультурных (культурно-географических) образов, обеспечивающих интенсивный и сбалансированный межкультурный обмен;
- ♦ в процессах межцивилизационной адаптации большую роль играет целенаправленное продуцирование стратегий репрезентации и интерпретации геокультурных (культурно-географических) образов;
- ♦ механизм использования ключевых геокультурных образов основан на процессах ментального сжатия и растя-

жения различных цивилизационных и культурных пространств;

- ♦ в настоящее время Россия нуждается в концептуальном геокультурном проектировании и базовой геокультурной идеологии, призванной сформировать новое поле долговременных геополитических и геоэкономических решений.

Разработка концепции геокультурного пространства Российской Федерации

В настоящее время существует большое количество угроз целостному, устойчивому и сбалансированному развитию геокультурного пространства Российской Федерации. Интенсивные процессы глобализации, быстрое развитие информационных технологий, формирование новых средств геокультурного и идеологического влияния ведут к осознанию необходимости увеличения безопасности геокультурного пространства РФ и разработки его системной концепции.

Непротиворечивая, долговременная и эффективная концепция геокультурного пространства Российской Федерации должна учитывать все современные, а также прогнозируемые угрозы и вызовы безопасности его устойчивого развития.

В непосредственные задачи такой концепции входят:

- ♦ определение, описание и оценка ключевых параметров современного геокультурного пространства Российской Федерации;
- ♦ идентификация «болевых точек» его развития и предложение реальных вариантов их ликвидации;
- ♦ разработка перспективной территориально-функциональной структуры геокультурного пространства РФ;

- ♦ предложение базовых сценариев перспективного развития геокультурного пространства РФ.

В результате реализации указанного проектного комплекса будут разработаны системные основания для создания целенаправленной эффективной геокультурной политики Российской Федерации, прежде всего в Северной Евразии, состоит описание базовых механизмов увеличения геокультурного влияния РФ, систематизируются предложения по структурной координации геополитического, геокультурного и геоэкономического пространств РФ.

Под геокультурным пространством России здесь понимается система представлений, опирающаяся на сеть ключевых географических образов, локальных мифов, территориальных идентичностей и культурных ландшафтов и характеризующая нашу страну как расширяющуюся в ментальном смысле культурную целостность. Онтологической основой этого пространства являются русская культура и русский язык. Базовый смысл существования и функционирования геокультурного пространства России заключается в стремлении к его расширению, то есть увеличению геокультурного влияния нашей страны в Северной Евразии и в мире в целом. Геокультурное пространство России открыто другим геокультурным пространствам и взаимодействует с ними.

Геокультурное пространство России поддерживается и развивается различными культурными, социальными и политическими институтами — как общественными, так и государственными, а также неинституционализированными сообществами и отдельными людьми — как в России, так и вне ее. Деятельность подобных инсти-

туций может иметь как материальный, так и виртуальный (нематериальный) характер. В качестве одной из важных государственных институций, поддерживающих и развивающих геокультурное пространство России, может рассматриваться потенциальная сеть мультимедийных центров русской культуры и русского языка. В качестве ключевого, важнейшего, стратегического мультимедийного центра (узла) такой сети может рассматриваться уже существующая и динамично развивающаяся Национальная электронная библиотека (НЭБ).

Формирование сети мультимедийных центров русской культуры и русского языка в трансграничных районах Российской Федерации и странах ближнего зарубежья

Современное геокультурное пространство Российской Федерации подвержено нескольким важнейшим вызовам. Один из них — возможная постепенная утрата российской и русской идентичности большинством российских сообществ и социальных страт в результате как быстрого возрастания иммиграционного потока, так и расширения геокультурного влияния европейского и американского геокультурных пространств, исламского геокультурного пространства (Ближний и Средний Восток, Центральная Азия), а в будущем также и китайского геокультурного пространства.

Необходимо создание системной сети мультимедийных центров русской культуры и русского языка в трансграничных регионах Российской Федерации и странах ближнего зарубежья для изучения

Тартария на средневековой карте

русского языка и основ русской культуры как потенциальными, так и действительными иммигрантами. А также всеми теми, которых в той или иной мере интересуют русский язык и русская культура.

В число основных задач такого проекта входят:

- ◆ разработка концепции сети мультимедийных центров русской культуры и русского языка;
- ◆ создание стратегии развития подобных центров;
- ◆ определение приоритетных регионов и стран для организации и развития таких центров;
- ◆ утверждение правовых основ их функционирования — как на территории РФ, так и за ее пределами.

В результате должны появиться системные основания для

Что же тогда такое Северная Евразия, как не пучок географических образов, долженствующих представить цивилизационную специфику России в ее максимальной полноте и целостности? Это в любом случае пространство, не мыслимое Европой как самодостаточное и автономное. Образ Великой Тартарии был минимально необходим европейской цивилизации и в то же время достаточен ей для расширенного воспроизводства собственной идентичности.

разработки правовых актов и положений о создании сети мультимедийных центров русской культуры и русского языка в трансграничных регионах РФ и странах ближнего зарубежья.

■ Будущее России зависит в настоящий момент во многом от оперативности развития долговременного перспективного видения ее пространственных, геокультурных образов, формирования мощ-

ной геокультурной идеологии России. Концепция расширяющегося геокультурного пространства России может стать основой подобной стратегии. Перспективным направлением может стать создание Федерации народов Северной Евразии (Северо-Евразийской Федерации) на базе русской культуры и русского языка как скрепляющих конструктивных элементов одного из геокультурных пространств мирового значения. (E)